

*Смелость расы:
стирая расу**

Зилла Айзенштейн

Вначале я расскажу собственную расовую историю, учитывая, что я белая и я пишу это эссе. Я росла в эпоху движения гражданских прав. В 1964 году я переехала вместе со своей семьей в Атланту, штат Джорджия, где мой отец преподавал в центре высшего образования Университета Атланты, являющемся преимущественно черным. Это было время интеграции. Мы жили в черном районе на улице Бекуит, и я ходила в белую школу, которая незадолго до этого была десегрегирована и в том году приняла своего первого черного школьника. Сначала, когда я шла по своему району, меня обзывали «белой сукой», а к тому времени, когда я доходила до школы, я становилась уже «любительницей ниггеров». На городских демонстрациях в защиту гражданских прав моя мама познакомилась с очень уважаемым черным хирургом. Когда в том же году у нее обнаружили рак молочной железы, она попросила его быть ее хирургом. Но тогда он не мог оперировать нигде, кроме как в больнице для черных. Поэтому моя мама легла в больницу для черных. Годы спустя, читая ее дело в ФБР, я увидела, что моя мама была идентифицирована как черная. Мне понадобилось время, чтобы понять эту логику: если больница для черных, то и пациентка – черная женщина. Кто спорит, что раса является конструктом? Но тем не менее раса как конструкт бескомпромиссна для людей с черной, коричневой и желтой кожей. Предлагая язвительную гиперболу недавних президентских выборов, скажу, что сейчас важнее, чем когда-либо, прислушиваться не к словам, но к молчаниям и думать о том, о чем не говорят. Итак, о чем мы умалчиваем, когда говорим, что Обама – черный, а Клинтон – женщина? При этом Обаму пока что постоянно просят обратиться к своей «расовой проблеме», в то время как Клинтон недав-

* Перевод Ольги Пироженко.

Редакция благодарит Зиллу Айзенштейн за предоставленные для публикации в журнале *Гендерные исследования* тексты из ее новой, еще не опубликованной книги *New Sexes/Races/Genders*. Статья Зиллы Айзенштейн была написана в конце марта 2008, когда решался вопрос о кандидатуре претендента на пост президента США от Демократической партии.

но успешно заставила замолчать собственную гендерную риторику. Еще более важно отметить, что Хиллари Клинтон не произносила речей, обращенных к «гендерной» проблеме, в то время как Обама высказался о проблеме «расы» в полемике, развернувшейся по поводу пастора Райта. Можно, конечно, сказать, что Обама вынужден был прокомментировать расхождение в мнениях, возникшее после того, как на *You-tube* были выложены проповеди его личного пастора, Джереми Райта. А у Хиллари просто не было подобной проблемы с ее гендером. Но этот факт не должен воспрепятствовать признанию того, что Обама в этой ситуации столкнулся-таки с расовой проблемой, а Хиллари в очередной раз избежала такого столкновения – хотя у нее тоже, как и у всякого человека вообще, есть раса. Она – по умолчанию – белая, в то время как Обама был озвучен, и озвучен именно как черный. Хотя ... он принадлежит к смешанной расе, а не просто черной: ведь у наших рас в США есть много цветов, которые исключаются в результате черно/белого деления.

В то время как Хиллари подчеркивает важность своей кандидатуры именно из-за того, что она по видимости пробивает стеклянный потолок гендера, Барак никогда не заявлял о расе как о составляющей своего политического капитала. В своей кампании Клинтон работала над тем, чтобы использовать расу как недостаток своего соперника. Можно сказать, что Хиллари, если ей удастся как следует «очернить» Обаму, сможет легче его победить. И произойдет это потому, что она – белая, а не черная, а не потому, что она – женщина, выступающая за права женщин. До тех пор, пока она ищет поддержку от рейгановских демократов – белых мужчин-избирателей среднего класса, она остается на дистанции от гендерной политики. Конечно, это соревнование вновь касается гендера: Барак – мужчина, Хиллари – женщина, и так как у расы всегда есть гендер, а у гендера – раса, гендерные и расовые проблемы изначально невозможно четко развести. Но сейчас замалчивается, прежде всего, именно гендер – наряду с белым цветом кожи.

Моя мысль заключается в том, что раса в этом соперничестве имеет не такое уж простое значение. Сам термин «раса» мистифицирует реальность белых привилегий и часто доминирует над гендерной идентичностью. То, что она – белая, не составляет для Хиллари проблемы; но то, что он – черный, действительно является вызовом для Барака как представителя меньшинства, хотя он и представляет смешанную расу. Если бы его смешанную расовую идентичность оценили в соответствии с ее ценностью и значением, его можно было бы рассматривать как фактически подлинно инклюзивного кандидата. (Его «мужественность» уже является сложной и скомпрометированной, учитывая историю расизма в этой стране.)

Недавно стал широко известен комментарий Джеральдин Ферраро, заявившей, что если бы Барак Обама был белым, он бы не баллотировался на пост президента. Она добавила, что он также не баллотировался бы, если бы был

женщиной. Она считает, что его раса несправедливо приносит ему выгоды; что быть черным является ценным качеством. Даже мои наиболее сдержанные и консервативные студенты не могли понять это утверждение. Я полагаю, что она просто забыла о тюрьмах, о показателях бедности, об уровне безработицы черных молодых людей и цветных людей в целом. Она предполагает, что он ложный герой и что он хитростью отбирает у Хиллари единственный шанс. Это слишком похоже на случай Бакке – белого студента юридического факультета, который утверждал, что неквалифицированный афроамериканец украл его место. Согласно этой логике, если бы только Хиллари была черной, она смогла бы легко выиграть номинацию от своей партии. Но в этом случае она, вероятно, не стала бы женой Билла Клинтона, который, волею случая, является белым, хотя о нем и сказали однажды «наш первый черный президент». А если бы она не была за ним замужем, то у нее не было бы необходимого опыта, о котором она постоянно говорит. (Вероятность того, что она могла бы быть политическим игроком, а также состоять в межрасовом браке, весьма невелика.) Поэтому, очевидно, не все сводится к черному цвету кожи Барака, как утверждают и Ферраро, и Хиллари.

Хиллари рассчитывает на голоса и белых, и латиноамериканцев – так же, как и на голоса пожилых женщин или мужчин из рабочего класса. Она много делает для того, чтобы отобрать этих избирателей у Барака. И, по-видимому, сейчас она более готова к тому, чтобы рассчитывать именно на голоса белых женщин. Для меня всегда было проблематичным то, что феминизм чаще всего рассматривается как дело белых женщин, тогда как фактически именно черные женщины артикулировали многие из самых ранних политических женских кампаний и боролись, например, с такими проблемами как сексуальное преследование. В Южной Каролине Обама выиграл 54 процента голосов женщин, причем за него голосовали 22 процента белых женщин и 78 процентов черных женщин. Мы не должны забывать, что подавляющее число черных женщин голосовали за демократов на последних президентских выборах, в то время как многие белые женщины голосовали за Буша. А ведь кажется, что проголосовать за Обаму – это всего лишь наименьшее из того, что могли бы сделать белые женщины, чтобы хоть как-то компенсировать последние восемь лет военного и экономического краха.

Ничто из того, что я написала до сих пор, не является простой истиной. Но такая «непростота» выражает всего лишь очевидную сложность отношений между расой и гендером. Гендер Обамы связан с расой, и его раса связана с гендером. То же самое касается и Хиллари. И это не гендер против расы. И это не черная кожа против белой. Обаму кормила грудью и воспитывала белая женщина. Его бабушка и дедушка по материнской линии были белыми. Его кенийский отец был черным африканцем. В результате он – часть этих генетических и культурных историй. Обама – это сложная смесь собственного расового наследия. В этой стране так много расовых смешений! Он/они видят больше

и знают больше – просто в силу этих смещений. Но очевидно, что некоторые белые видеть этого просто не желают.

Разногласие с Преподобным Райтом стало оправданием для того, чтобы мобилизовать бездействующие расовые аспекты перед голосованием по выдвижению кандидата в президенты. Обама, в конце концов, решил атаковать в лоб «расу» *per se*. Он сказал, что сожалеет о проблематичности некоторых утверждений Райта, но в то же время он все равно часть семьи, как и его белая бабушка, которая также выражает недоброжелательные расовые взгляды. Его семья выражает противоречия – предубеждения и любовь одновременно – большого общества. И над этим можно работать. Это – отправная точка. Барак просит, чтобы мы продолжили именно с этого места.

Хиллари реанимирует дебаты о Райте, поскольку они негласно подтверждают ее белый цвет как ее привилегию. Когда ее спрашивают, что она думает о Преподобном Райте, она говорит, что он «не был бы моим пастором». Конечно же нет, Хиллари! Прежде всего вы бы просто не ходили в его церковь. Реализуя данную политическую стратегию, Хиллари как белая разыгрывает гендерную ловушку [*decoy*].¹ Хотя она и выступает объектом мизогинии, этот факт не является реакцией на программу поддержки прав женщин. Кроме того, тот факт, что к ней плохо относятся как к женщине, не отменяет ее привилегированности как белой.

Билл Ричардсон, губернатор Нью-Мексико и бывший высокопоставленный чиновник администрации Билла Клинтона, недавно поддержал Обаму. Он заявил, что для партии пришло время признать, что Обама является ее избранным кандидатом, – и по числу штатов, в которых он победил, и по числу избранных делегатов, и по результатам народного голосования. И для того, чтобы двигаться дальше, необходимо принять жизнеспособную кандидатуру для осенних выборов. Тем временем, многие наблюдатели и ученые мужи говорят, что на данный момент у Клинтон практически нет возможности быть номинированной. Некоторые даже считают, что, если бы это у Барака было такое же количество делегатов и такие же результаты народного голосования как у Хиллари, с расой *уже* было бы покончено. Те же самые ньюсмейкеры говорят, что, если у нее не будет прорыва в Пенсильвании и на оставшихся первичных выборах, а затем она не получит поддержку суперделегатов, с ней будет покончено. Но что это значит на самом деле? Это значит, что, если она отберет голоса белых избирателей у Барака на следующих первичных выборах, она сможет получить поддержку суперделегатов. Это относится к голосам белых и в некоторых случаях латиноамериканцев – в какие бы обличия они не рядились: в рабочий класс, рейгановских демократов, пожилых женщин, католиков и т.д. (интересно при этом, когда сообщается, что католики поддерживают Хиллари, после этого сразу же дают понять, что эти же «католики» являются по большей части пожилыми белыми женщинами).

Хиллари – белая. У Барака, а не у Хиллари существует проблема с расой. Вот что означает привилегия белых, более того, она даже одерживает верх над гендером. И основной вопрос состоит в следующем: насколько расово-детерминированным может стать Обама? Достаточно ли он черный, чтобы за него не голосовали многие белые и латиноамериканцы? Если Хиллари выиграет выборы за счет голосования суперделегатов и осенью будет фактически соперничать с Маккейном, то ее белый цвет перестанет быть ее тайным оружием. Переключится ли она тогда на гендер? Между прочим суперделегаты, которые своим голосованием проигнорируют народное голосование, тем самым еще более подорвут наше и без того хрупкое политическое состояние; это еще одно состояние исключительности в наших демократических процессах. Некоторые американцы могут испытывать положительные эмоции от того, что мы даем возможность черному человеку баллотироваться – даже если в итоге он и проиграет. Но для многих из нас было бы жестоким разочарованием, если бы черного человека использовали как прикрытие для коррумпированной политики по избранию на пост главнокомандующего белой женщины. Это было бы ловушкой. И тогда победу одержали бы как мизогиния, так и расизм.

Поэтому я – на стороне моей сестры, которая говорит, что единственная женщина, которую она хотела бы видеть в Белом доме, – это Мишель. У нее гораздо больше опыта для этого, чем, например, у Билла.

Клинтон – белая

Сейчас, по-видимому, уже ясно, что этой осенью Барак Обама станет кандидатом в президенты от Демократической партии. Однако важно прояснить заблуждения кампании Хиллари Клинтон, чтобы наследство, которое она оставляет, не повредило мультирасовому и мультиклассовому феминизму/вуманизму ни здесь, ни за границей.

В данный момент после Индианы, Северной Каролины и Западной Вирджинии никого из ученых мужей и журналистов, по-видимому, не волнует ситуация с черными женщинами. Вместо этого все взгляды – и в особенности Хиллари и Билла – обращены на так называемого «белого представителя рабочего класса». Озабоченность Хиллари белыми избирателями – страшное предательство по отношению к тому, что она думает о гендере и о бытии женщиной. Для нее гендер имеет белый цвет, в то время как раса – черный. Билл и Хиллари Клинтон рискнули не учитывать голоса афро-американцев потому, что они думали, что смогут разыграть гендерную карту с ее белокожей историей. И победить.

И вот именно здесь находится камень преткновения. Хиллари Клинтон представляет себя электорату как женщина. Она утверждает, что она хочет разбить стеклянный потолок гендера/для гендера. Но правда заключается в том, что

она не просто женщина, а белая женщина. Сам факт того, что она игнорирует свою собственную расу (то, чего Обама в каком-то смысле сделать не может) является доказательством нормализованной привилегии белого цвета кожи. В этом случае белый – это не один из цветов, а тот самый цвет, который является стандартом и по которому оцениваются другие. Поэтому Хиллари молча, по видимости непреднамеренно, но сознательно использует свой цвет, чтобы сформулировать собственные значения гендера и, таким образом, мобилизовать пожилых белых женщин и так называемых рассерженных белых мужчин. Она представляет себя в качестве женщины, но ее настоящая сила заключается в том, что она белая. Мизогиния – боязнь, ненависть, наказание и дискриминация по отношению к женщинам – гарантирует самое скрытое, а именно то, что привилегией Хиллари остается белый цвет ее кожи.

Чаще всего термин «белая» не употребляется вместе с термином «женщина»: в этом нет никакой необходимости. Цвет уточняется только тогда, когда *она* – не белый. Другими словами, если нет никаких дополнительных уточнений, предполагается, что все женщины – белые, особенно если разговор идет о гендере, или женских правах, или феминизме. Забудьте тот факт, что именно группа черных женщин впервые бросила вызов Верховному Суду в первом в этой стране деле о сексуальной дискриминации много лет назад.

Хиллари говорит о себе как о женщине, а затем говорит отдельно о расе – говорит так, как будто бы в ней нет того и другого одновременно. На самом деле в ней столько же «расы», сколько и в Бараке, но ее раса не является для нее проблемой. Это для него раса – проблема, даже если и не в той степени, в которой Хиллари пытается это представить. По сути, Хиллари как (белая) женщина противопоставляет себя Бараку (как черному) по критерию расы. Таким образом, Хиллари (как женщина) совершенно неверно и, более того, ложно противостоит Бараку (как черному). Ее белокость получает привилегию и – тем самым – направляет гендер против расы. Она, ни слова не говоря, кодирует свою белую кожу таким образом, как если бы именно эта кожа была центральной по отношению к ее гендеру и к ее типу феминизма. Фактически, она восстанавливает и переписывает заново историю американского феминизма 19 века, который осуждал черных мужчин за то, что они получили право голоса до получения этого права белыми женщинами. Всем известно, что совсем недавно риторика женских прав использовалась, чтобы оправдать бомбежку Талибана и коричневых людей в Афганистане и Ираке. Всем известна история банкротства феминизма по данному вопросу, так что в этом нет ничего нового. Что при этом забывается в первую очередь так это то, что права женщин должны предстать во всех цветах.

Барак Обама заявил, что он хочет принять новое понятие расы и расового прогресса. Он не пострасист, но он признает новые расовые отношения в том виде, в котором они существуют на сегодняшний момент. Тем не менее ему пришлось выступить по поводу расы, хотя он и говорил, что он не хочет быть

расовым кандидатом. Он признает, что в стране есть новые-старые расовые иерархии со сложными идентичностями и что сам он представляет и белых, и африканских черных – что бы это для него не означало. Тем временем Хиллари говорит, что она баллотируется как женщина. При этом никогда не говорит в своих выступлениях о гендере: потому что белым рассерженным мужчинам и женщинам это бы не понравилось. Поэтому ни патриархат, ни дискриминация по половому признаку, ни структурная иерархия маскулинности с ее аспектами, связанными с расой и классом, никогда не упоминаются в ее избирательной кампании. Она использует белый цвет как оружие, а делает вид, что говорит о гендере. Но при этом она ни разу не упоминает ни о совершенно недопустимой мизогинии в этой стране, ни о сексуальной иерархии рабочей силы, ни о колоссальной расовой и классовой несправедливости, которая определяет сегодня жизни женщин. Фактически такая стратегия – злоупотребление и унижение своего гендера.

Феминизмы всех видов вышли за рамки представления о том, что феминизм как концепт имеет отношение только к белым женщинам, как и о том, что феминизмы должны быть особенно признательны белой мейнстримовой части американского женского движения. Многие женщины, особенно цветные, но также и многие белые знают, что раса и гендер неотделимы друг от друга, и именно поэтому большинство этих женщин, независимо от цвета их кожи, голосуют за Барака Обаму. Нельзя допустить, чтобы Хиллари «тянула» феминизм назад ради собственных политических амбиций. И, повторим, не удивительно, что ее поддерживает именно большинство пожилых белых женщин. Ведь именно они идентифицируют себя со старым пониманием женственности – гомогенизированным пониманием, согласно которому у всех женщин – общая идентичность, а раса и класс с ней не связаны, поэтому их не стоит и называть, о них не стоит и говорить. Вот почему большинство более молодых женщин и прогрессивных женщин, среди которых есть и пожилые, связанные с движениями за гражданские права и с женскими движениями, поддерживают Обаму.

Мои размышления о Хиллари Клинтон имеют свою историю, которая также совпадает и с ее историей. Я никогда не была ее поклонницей. Я пишу о ней критически уже больше десятилетия. Когда она была в Белом доме, она никогда не выступала от имени женщин или как кандидат с программой, ориентированной на женщин, не говоря уже о том, чтобы выступать как феминистка. Многие из нас, являющихся ее современниками, активно участвовали в движении за гражданские права, женских движениях и движении против войны во Вьетнаме, в то время как она давно сделала выбор не участвовать в них. Свою единственную речь, в которой говорилось об эксплуатации женщин, она произнесла в китайском Пекине – как будто бы только женщины за границей США, но не в самих США, сталкиваются с огромным количеством случаев дискриминации. Теперь она баллотируется на пост президента, и теперь она – белая

женщина во всеоружии, которая разжигает войну и просит вас проголосовать за себя, если вы относитесь к рассерженным белым рейгановским демократам. Возможно, она думает, что ее мужской гендер – это способ разбить стеклянные потолки для женщин?

Я считаю, что она не разрушает гендерные границы, а, скорее, вобрала в себя и распространила маскулинность/мизогинию для женщин и внутри женщин. А мизогиния всегда принимает расиализированные² формы. Во плоти она остается женщиной, поэтому она репрезентирована как ловушка для феминистских требований. И ее белое «я» является центральным применительно к этому статусу ловушки. Сьюзен Фалуди написала в *Нью-Йорк Таймс*, что Хиллари удастся получить поддержку у белых мужчин, потому что она желает бороться и участвовать в грубой игре, как мальчишка. Она, по-видимому, всегда готова «вступить в перебранку», в результате чего и завоевала их мужское доверие. Она «прошла через стеклянный пол так, чтобы спуститься к мальчикам», открыв тем самым путь для женщины – «через стеклянный потолок и в Белый дом». Барбара Эренрайх в *Нейшн* выражает сомнение по поводу этой оценки, а затем подвергает Клинтон более суровой критике за ее беспощадность. Эренрайх пишет, что Клинтон «развела миф о врожденном женском моральном превосходстве самым худшим способом – продемонстрировав женскую моральную низость».

Хиллари фактически доказала, что иногда самым лучшим работником может быть женщина, которая делает вид, что она – мужчина. Другими словами, Хиллари просто обрядилась в мужские тактики и стратегии. В этом обличии и стиле она вполне способна сбросить ядерную бомбу. Хиллари не только оправдывала войну в Ираке, но она неоднократно продолжала это делать в течение нескольких лет – вплоть до времени, когда стала баллотироваться на пост президента. Она вместе с Биллом Клинтонем поддержала вопиющую торговую блокаду против Ирака, во время которой сотни тысяч детей умерли от голода после войны 1991 года. Позже она поддержала террористическую бомбежку Ливана Израилем, а недавно одобрила «полное уничтожение» Ирана.

Но это – только часть грустной истории. Принятие Хиллари маскулинного мачизма означает принятие самой мизогинии, от которой хочет избавиться большинство феминисток. Вместо того, чтобы бросать вызов гендерному разделению, Хиллари просто плавно перемещается на его другую сторону. Она не предлагает нам новое видение того, что может означать такой факт, как иметь женщину-президента; вместо этого она предлагает нам старые версии привилегии белых и разжигания войны. Однако структурная привилегия патриархата игнорируется и спутывается для Хиллари расовой картой. Многие (белые) женщины пишут – как, например, Мэри Кокко в *Вашингтон Пост* (15 мая 2008 года) – о забываемой мизогинии этой избирательной кампании Хиллари, перечисляя примеры сексистских футболок и множества других коммерческих товаров, использовавшихся в это время. Но, хотя я ненавижу любую форму унижения

девочек и женщин (как, впрочем, и любого человека), мне не кажется, что такая критика данной проблемы является достаточной.

Нельзя унижать Хиллари Клинтон за то, что она женщина. Но понятие «быть женщиной» включает в себя все цвета кожи и классы. Хиллари сделала непростительное. Она использовала расу – разыграла карту белой кожи – от имени гендера. Но мы, наше большое «мы» – огромные, по-разному определяемые феминизмы в этой стране и на всем земном шаре – лучше этой игры. Черные феминистки в этой стране, женское движение в 1970–80 гг. способствовали раскрытию механизмов традиционного разделения расы/гендера и разъяснили, что гендер всегда является расализированным, а раса – всегда гендерна. Не существует опыта одного без опыта другого. Только когда белое (белая кожа) демонстрирует себя как невидимый стандарт, можно вообразить, что гендер и раса могут существовать отдельно. По существу, Хиллари – белая *и* женщина, а Барак – черный *и* мужчина. Каждый из них и то, и другое. Как и каждый из нас.

Манипуляция Хиллари и искажение ее гендера показывают ее статус сексуальной ловушки. Ведь быть женщиной недостаточно для того, чтобы заявлять о своем гендере как о политической тактике. Такие заявления должны основываться на обязательстве покончить с гендерной дискриминацией и ее расовыми и классовыми формулировками, а не на том, чтобы противопоставлять расу и класс, надеясь стать первой женщиной-президентом. Клинтон не разделяет политическую идентичность с женщинами всех классов, цветов и наций только потому, что она имеет женское тело. Ей сначала необходимо заявить об этом теле и требовать для него прав – репродуктивных, ухода за детьми, здравоохранения, образования и т.д. У нее нет мультирасовой женской программы – просто потому, что у нее нет никакой антирасистской программы. Тем временем она воодушевлена тем, что победила с большим перевесом в Западной Вирджинии. Западная Вирджиния – это «почти небеса» для Хиллари. Она говорит, что ее победа демонстрирует стране, что в ноябре она сможет выиграть голоса «трудодобрых белых американцев». Но Западная Вирджиния – отнюдь не небеса и не похожа на остальную часть страны. Может быть, она похожа на то, чем раньше были США, и в этом-то и дело! Ибо здесь нет разнообразия цветов кожи, возрастов, культур, которое сегодня определяет США. Нет этого разнообразия и в позиции Хиллари.

Итак, Хиллари – действительно сексуальная ловушка. Она выглядит как женщина, но она не феминистка. При этом, правда, она и не говорит от имени большинства женщин. Она говорит от имени белых людей и в то же время идентифицируется со своим гендером как женщина. Но именно здесь она переборщила. Если женщина собирается угрожать всему миру войной и привилегиями белых, то надеюсь, что мы – большое «мы», «мы», которое охватывает все наши различия, победит политические силы, которые представляет Хиллари. А это означает создание коалиции для ноябрьских выборов, которая будет заботиться

о том, чтобы антимизогинистская программа была частью антирасистской политики кампании Обамы.

Примечание автора: более подробно многие из затронутых здесь тем рассмотрены в моих работах *SEXUAL DECOYS: Gender, Race and War in Imperial Democracy* (London: Zed Press; New York: Palgrave, 2007); *Against Empire: Feminisms, Race and the West* (London: Zed Press; New York: Palgrave; Kali: India; Spinifex: Australia and New Zealand, 2004); *HATREDS: Racialized and Sexualized Conflicts in the 21st Century*, (New York: Routledge, 1996); *The Color of Gender: Reimagining Democracy* (Berkeley: The University of California Press, 1994).

-
- 1 Термин из книги Зиллы Айзенштейн. *Sexual Decoys: Gender, Race and War in Imperial Democracy* (London: Zed Press; New York: Palgrave, 2007). (Прим. переводчика.)
 - 2 Термин Зиллы Айзенштейн из ее книги: *Hatreds: Racialized and Sexualized Conflicts in the 21st Century* (New York: Routledge, 1996). (Прим. переводчика.)